

Нармин Фуад кызы Гасанова¹⁰²
ОСКАР УАЙЛЬД: ИСПОВЕДЬ ИЗ БЕЗДНЫ

Исповедь Оскар Уайльда "De profundis" ("Из глубин") – единственное произведение, написанное им в заключении. Два года заточения заставили некогда популярного писателя и баловня судьбы по-новому взглянуть на прожитые годы и дать свою собственную оценку не только обществу, загнавшему его в ад тюремного заключения, но и пересмотреть свою собственную жизнь, своё поведение, ставшее причиной его грехопадения. Уайльд отправил рукопись этого произведения своему самому преданному другу, почитателю Роберту Россу (в книге он называет его Робби). В отправленном ему из тюрьмы письме были также инструкции относительно публикации "De Profundis". Книга вышла в свет лишь после смерти Уайльда. Всегда отличавшийся смелостью и независимостью суждений, писатель со всей откровенностью рассказал историю своих взаимоотношений с Альфредом Дугласом, ставших причиной его падения. В сопроводительном письме к Робби он пишет: "Я вовсе не стараюсь оправдать свое поведение, я просто объясняю его. Кроме того, во многих местах своей исповеди я пишу о той духовной эволюции, которая произошла со мной в годы тюремного заключения, неизбежных в силу этого изменений в моём характере и в моих взглядах на жизнь" (5, 622).

Отношения с Альфредом Дугласом сыграли роковую роль в судьбе Уайльда. Ему писатель был обязан многими счастливыми моментами в своей жизни, ему же он обязан своим тюремным заключением. На страницах "De Profundis" Альфред Дуглас выглядит как избалованный и эгоистичный юноша, который часто груб, жесток и бесцеремонен, особенно, если это касается его личных интересов. Все желания его лежат в плоскости получения удовольствий от жизни. Однако, В.Чухно в статье, посвящённой Оскару Уайльду, сомневается в том, что невежественный, бесчувственный и самовлюблённый прожигатель жизни, каким его изображает писатель в своей исповеди, мог привлечь такую тонкую натуру, каким был Уайльд. (См.: 6, 25) Кроме того, отмечает В.Чухно, Дуглас оставил свой след и на литературном поприще, сделав перевод "Саломеи" Уайльда с французского на английский, выпустив несколько сборников стихов, написав "Автобиографию Дугласа", а также две книги воспоминаний об Оскаре Уайльде. Однако, думается, образованность и литературные заслуги не могут быть оправданием человеческой нечистоплотности и жестокости по отношению к тому, кто пожертвовал всем ради близкого человека.

Первое, что бросается в глаза, когда читаешь эту пронзительную исповедь, – это то, как изменился стиль произведения. От былых остроумных, неожиданных фраз, парадоксальных высказываний не осталось и следа. То, что он пишет в адрес Альфреда Дугласа, можно в полной мере отнести и к нему самому: "Ты стремительно промчался мимо романтики прямо в реальность" (1, 626). И во взгляде Уайльда "из бездны" всё больше и больше уже не остроумия, но мудрости, ибо: "Самый большой порок человека – поверхность ума. Во всём, что происходит в жизни человека, есть свой глубокий смысл" (5, 626).

Нужно иметь очень большое мужество, чтобы в такой тяжёлой жизненной ситуации, когда, казалось бы, весь мир ополчился против тебя, не побояться рассказать всю историю своего падения и при этом остаться великим художником. Он признаёт, что дружба с Альфредом Дугласом стала для него трагической ошибкой: "Полчаса занятий Искусством всегда значили для меня больше, чем год, проведённый с тобой. В сущности, ничто в моей жизни на всём её протяжении не играло такую огромную роль, как Искусство. Для художника проявление такой слабости равносильно совершению преступления, особенно в том случае, когда из-за этого полностью парализуется его творческое воображение" (5, 631).

Уайльд доходит до полного самоуничтожения, когда рассказывает о некоторых случаях из своей жизни, приведших его к скандальному разорению. "Но, пожалуй, больше всего я виню себя за то, что позволил тебе довести себя до полного нравственного падения. Личность человека основывается на его воле, но вся беда в том, что моя воля стала целиком подвластна твоей" (5, 635).

Причиной такой глубокой привязанности писателя к юному другу, несомненно, могла послужить красота Альфреда. Для Уайльда, как представителя европейского эстетизма, красота имеет особое значение. Уже увидели свет два сборника его сказок, в которых вопросам красоты и морали отведено главное место. Вышел из печати роман "Портрет Дориана Грея", который стал своего рода кульминационной точкой развития эстетизма. "Культ красоты приводит Уайльда к парадоксальному утверждению: искусство не только стоит выше жизни, но и формирует действительность в соответствии с фантазией художника" (4, 399).

Свои парадоксальные утверждения Уайльд переносит в реальную плоскость. Художественные представления и жизнь писателя меняются местами, будто он хотел испытать на себе историю своего героя. "Уайльду казалось, что между ними завязываются те же отношения, которые существовали между героями его романа лордом Генри и Дорианом Греем, и он лишней раз имел возможность убедиться, что жизнь имитирует искусство даже в большей степени, чем искусство имитирует жизнь. Дуглас сочетал в себе культуру и образованность с красотой молодости и аристократической изысканностью. В их лице встретились блестящий Талант и совершенная Красота" (6, 24).

¹⁰² Бакинский Государственный Университет. Кандидат филологических наук, доцент narmin.gasanova@mail.ru

Парадокс жизни Оскара Уайльда заключается в том, что, отстаивая красоту как нравственную категорию, он сначала опроверг это утверждение в своих книгах, а затем продемонстрировал всю опасность аморальной красоты примером собственной жизни. Даже упав на самое дно жизни, Уайльд не отказался от творческого мышления. Свою трагическую историю он сделал достоянием широкой публики, как некогда поступал со своими литературными героями. Об этом следующие строки: "Должен сказать, что у меня тоже были свои иллюзии. Я ожидал, что жизнь моя будет искрометной комедией, в которой ты сыграешь одну из самых блестящих ролей. Но она обернулась отвратительной и мрачной трагедией, и именно тебе была в ней отведена самая страшная и злоедающая роль. С тебя была сорвана личина радости и лучезарности, вводившая в заблуждение и сбивавшая с толку не только меня, но и самого тебя" (5, 666).

Описывая своё пребывание в заключении, Уайльд обращается к картинам из "Божественной комедии" Данте. Именно эти ассоциации, по всей вероятности, и дали название его исповеди. "У нас в тюрьме лишь одно время года – время Скорби... В камере вечные сумерки – и вечный сумрак в сердце" (5, 691).

И несмотря на все обвинения в адрес друга Уайльд признаёт, что в создавшейся ситуации виноват он сам. "Я должен до конца уяснить для себя, что ни ты, ни твой отец, будь вас хоть тысячи, не смогли бы погубить такого человека, как я, если бы я сам не погубил себя, и что никто, будь он велик или ничтожен, не может быть погублен ничьей рукой, кроме своей. Я готов принять всю вину на себя". (5, 706) И теперь, лишившись абсолютно всего на свете, отбросив любые чувства горечи и обиды, он пришёл к Смирению. Смирение помогло ему принять свою участь, взглянуть на мир, свою жизнь новыми глазами. Если до сих пор в жизни Уайльда было много смеха, радости, самолюбования, то теперь он понимает, каким хрупким был мир, в котором он был на вершине славы.

Но даже пройдя через страдания, скорбь, мысли о смерти Уайльд остаётся Художником. Читая самые страшные и откровенные страницы его исповеди, убеждаешься, что все, что выходит из-под пера этого писателя, несёт на себе печать таланта и неповторимой красоты. "Со временем эта мания оставила меня, и я решил, что не стану уходить из жизни, но облачусь в покровы меланхолии и печали, как монарх в королевские одеяния, перестану до конца своих дней улыбаться, буду превращать каждое жилище, порог которого переступлю, в обитель скорби, заражу своим примером друзей, с тем чтобы они медленно шествовали со мной в печальной процессии, докажу им, что истинный смысл жизни заключается в меланхолии, отравлю их неведомой им раньше тоской, омрачу их жизнь своей собственной жизнью" (5, 718).

Тем не менее невозможно согласиться с теми критиками, которые утверждали, что на книге "De Profundis" "лежит печать безысходного отчаяния, находящего выражение в проповеди смирения и непротivления злу, прямо противоречащей словам самого писателя о том, что "непокорность с точки зрения всякого, кто знает историю, есть основная добродетель человека" (2, 254). Смирение и покорность Уайльд рассматривает как путь возвышения человека – морального, нравственного – над жестокостью и бездуховностью общества, лишённого благородства и великодушия. А потому ещё одно утверждение, что "обличая все, что заставляет страдать человечество, он готов поклониться самому страданию, видя в нём "единственный путь к совершенству" (3, 311), не следует рассматривать как противоречие самому себе. Нелепо и невозможно острить и балагурить в условиях тюремного заключения. Уайльд принимает свою участь со смирением, чтобы найти новые пути в искусстве: "Теперь я вижу, что Печаль – а она, на мой взгляд, самое возвышенное чувство, которое может испытывать человек, – является, наряду со Страданием, одновременно и темой, и критерием по-настоящему великого Искусства" (5, 720).

Ещё недавно называвший себя безбожником писатель теперь ощущает своё духовное единение с тем, кто являет собой пример самой большой любви и сострадания к человеку: "Я вижу, насколько глубоко, насколько неразрывно жизнь настоящего художника связана с жизнью Христа... Мы можем увидеть в Христе полное слияние личности с идеалом, что составляет главную черту романтического Искусства, в отличие от классического, и делает Христа предтечей романтического движения в жизни, но важно также, чтобы мы все понимали, что по природе своей Он во многом был подобен художнику – и прежде всего в том, что основу его личности составляло могучее, пламенное воображение. В сфере человеческих отношений он проявлял ту проникновенную способность сочувствовать и сопереживать, без которой в сфере Искусства немислимо творчество" (5, 727).

Мы видим, что роль Христа в жизни человечества он уподобляет роли художника в Искусстве. Как и прежде, Искусство для Уайльда стоит превыше всего. Это его религия сердца, религия его души. И потому он ставит рядом "сердце Христа и разум Шекспира". Даже на сцену распятия Христа он смотрит с эстетической точки зрения, и тогда "начинаешь понимать, насколько нужно быть благодарным Церкви за то, что она в своём главном богослужении воспроизводит Страсти Господни не как трагедию с реками пролитой крови, а как мистерию с использованием диалога, костюмов и жестов" (5, 731).

Уайльд видит в Христе то высшее воплощение творческого начала, которое присуще каждому Художнику. Он называет его индивидуалистом, потому что только индивидуалист способен на бескомпромиссный поступок и самовыражение. Но самое главное, что Христос принёс людям – его главный постулат – что Любовь прекраснее Ненависти. Любовь, а не Ненависть лежит в основе каждого шедевра Искусства. Любовь, а не Ненависть есть высшее проявление души, проявление романтического духа в Искусстве. Так в своих рассуждениях писатель поднимает Художника на такую высоту, которая была неведома даже европейским романтикам, связывавшим с личностью

художника неограниченные созидательные возможности. Немецкий романтик Новалис утверждал: "Поэт и жрец были вначале одно, и лишь последующие времена разделили их. Однако истинный поэт всегда оставался жрецом, так же как истинный жрец – поэтом"... По мнению Гофмана, вера в то, что поэт и пророк едины, не устарела... Законодателями, пророками называл поэтов Шелли, считавший, что поэты видят не только настоящее и открывают его закон, но и будущее в настоящем. "Поэзия, – говорил он, – на самом деле нечто божественное"... Избранником богов считал поэта Колриджа..." (См.: 1, 33–34).

Для Уайльда писатель не просто пророк и избранник богов. В каждом истинном шедевре он видит присутствие высшего духа: "Он, Христос, присутствует и в "Ромео и Джульетте", и в "Зимней сказке", и в поэзии провансальских трубадуров, и в "Старом мореходе", и в "La Belle Dame sans Mersi", и в "Балладе о милосердии" Чаттертона. Именно Христу мы обязаны появлением в Искусстве таких непохожих творцов и творений, как, например, "Отверженные" Гюго; "Цветы зла" Бодлера; русские романы с звучащей в них нотой сострадания; витражи, gobelены и другие работы Бёрн-Джонса и Морриса в стиле кватроченто, стихотворения Верлена. Всё это, можно сказать, является Его свершениями..." (5, 741).

Всё это очень близко к пантеистическому восприятию мира, но так же и далеко от него. Для Уайльда Христос – Мастер, Творец новой эпохи – эпохи Возрождения. В дальнейшем, пишет он, если мне придётся писать, я бы коснулся только двух тем – "Христос как предтеча романтического движения в жизни" и "Жизнь художника в соотношении с его поступками". Он видел в Христе воплощение всего того, что должно быть присуще идеальному романтическому образу и романтическому характеру. Противостояние идеала реальному миру (наполненному филистерами и фарисеями, как он пишет) – в этом романтическом истолковании образа Христа мы видим стремление писателя найти если не оправдание, то хотя бы прощение своим поступкам. И он вспоминает известную библейскую историю, заканчивающуюся знаменитой фразой: "Кто из вас без греха, первый брось в неё камень".

Униженный и поверженный Человек, говоря о Смирении, одновременно бросает обвинение обществу в лицемерии и чрезмерной жестокости. И в качестве защиты обращается к самому непререкаемому авторитету христианского мира – образу Христа. "Равнодушную благотворительность, показное милосердие, скучнейшие формальности, столь милые сердцу обывателя, – всё это он разоблачал с величайшей страстностью. То, что мы называем общепринятыми традициями и что является для нас не более чем машинальным соблюдением необязательных для нас правил, во времена Христа было жестокой тиранией ортодоксальных канонов. Христос с негодованием отвергал всё это. Он показал людям, что единственной и подлинной ценностью для человека есть духовность" (5, 749). Итак, Уайльд ищет в Христе, прежде всего, человеческое. Христос смело пошёл против традиционных установлений, закостенелых взглядов. Он научил людей всепрощению, он принёс в мир Любовь. Любовь была главной темой в творчестве писателя, ей он посвятил свою жизнь. И теперь, находясь в аду, он жаждет ответного чувства: "В целом мире нет такой недоступной тюрьмы, куда бы не достучалась Любовь" (5, 798).

Последние строки исповеди обращены не только Альфреду Дугласу, но и всем тем, кто когда-то восхищался писателем, а затем поспешно осудил его на страдания и бесчестье: "И всё же, несмотря на все мои недостатки и несовершенства, ты мог бы ещё многому у меня научиться. Ты пришёл ко мне, чтобы постичь радости Жизни и радости Искусства. Но, может быть, я избран для другой миссии – научить тебя, в чём смысл Страдания и в чём его красота" (5, 799).

В исповеди Оскар Уайльда есть всё – и боль, и покаяние, и смирение. Но главное – это то, что Любовь, которая была его Музой на протяжении всего творчества, не покинула его даже в самые тяжёлые моменты жизни. Изнеженный, избалованный жизнью писатель показал пример удивительной стойкости и верности своим идеалам. Когда-то публика восхищалась смелыми и откровенными высказываниями в его произведениях. Теперь же Уайльд поднялся на новую высоту – так же смело и откровенно открыл перед ними свою душу – душу незаслуженно поруганного и растоптанного Художника. Только великий Художник способен на то, чтобы возвысить свой голос "из бездны", а своё падение превратить в новый литературный триумф, так как "для Смирения и Любви нет ничего невозможного" (5, 797).

Литература

1. Ивбулис В.Я. Романтизм и традиционная индийская мысль // Взаимодействие культур Востока и Запада. М.: Наука, 1987, с. 28–41.
2. История английской литературы. В 3-х т., т. III. М.: Изд-во Ака. Наук СССР, 1958, 732 с.
3. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века. М.: Высшая школа, 1970, 624 с.
4. Луков В.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. М.: Издательский центр "Академия", 2008, 512 с.
5. Уайльд О. De Profundis. Исповедь / В кн.: Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М.: Эксмо, 2015, с. 619–799.
6. Чухнов В.Я. всего лишь гений... / Вступит. статья в кн.: Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М.: Эксмо, 2015, с. 7–32.

Ключевые слова: "Из глубин", Красота, Искусство, парадокс, исповедь

Açar sözlər: "Məktub etirafı", Güzəllik, İncəsənət, paradoks, tövbə

Key words: "De Profundis", Beauty, Art, paradox, confession